

Кожаная воронка

Мой приятель Лионель д'Акр жил в Париже на авеню Ваграм, в том небольшом доме с чугунной оградой и зеленой лужайкой спереди, что стоит по левую сторону улицы, если идти от Триумфальной арки. По-моему, он стоял там задолго до того, как была проложена сама авеню Ваграм, поскольку его серые черепицы поросли лишайником, а стены выцвели от старости и покрылись плесенью. Со стороны улицы дом кажется небольшим — пять окон по фасаду, если мне не изменяет память, но он продолговат, и при этом всю его заднюю часть занимает одна большая вытянутая комната. Здесь, в этой комнате, д'Акр поместил свою замечательную библиотеку оккультной литературы и коллекцию диковинных старинных вещей, которую собирал ради собственного удовольствия и ради развлечения своих друзей. Богач, человек утонченных и эксцентричных вкусов, он потратил значительную часть своей жизни и состояния на создание совершенно уникального частного собрания талмудических, каббалистических и магических сочинений, по большей части редчайших и бесценных. Особенно привлекало его все непостижимое и чудовищное, и, как я слышал, его эксперименты в области неведомого переходили все границы благопристойно-

сти и приличия. Другьям-англичанам он никогда не рассказывал об этих своих увлечениях, придерживаясь тона ученого и коллекционера-знатока, но один француз, чьи вкусы имели сходную направленность, уверял меня, что в этой просторной и высокой комнате, среди книг его библиотеки и диковинок музея, справлялись самые непотребные обряды черной мессы.

Внешность д'Акра с достаточной наглядностью свидетельствовала о том, что к этим тайнам психики он питал не духовный, а сугубо интеллектуальный интерес. В его полном лице не было ни намека на аскетичность, зато огромный купол черепа, который круто вздымался над оборкой редющих локонов, как снежная вершина над кромкой елового леса, говорил о мощном интеллекте. Познания явно преобладали у него над мудростью, а сила способностей — над силой характера. Его маленькие, глубоко посаженные глаза, живые и блестящие, искрились умом и жадным любопытством к жизни, но это были глаза сластолюбца и самовлюбленного индивидуалиста. Впрочем, хватит о нем: бедняги уже нет в живых — он умер в тот блаженный миг, когда окончательно уверовал, что наконец-то открыл эликсир жизни. Речь у нас пойдет не о его сложной натуре, а об одном чрезвычайно странном и необъяснимом случае, который произошел, когда я гостил у него ранней весной 1882 года.

Познакомился я с д'Акром в Англии, когда занимался исследованиями в Ассирийском зале Британского музея, где тогда же работал и он, пытаюсь разгадать тайный мистический смысл древних вавилонских письмен. Общность интересов сблизила нас. От обмена случайными фразами мы перешли к ежедневным беседам, и между нами завязалось некое подобие

дружбы. Я пообещал навеститься к нему в следующий свой приезд в Париж. В тот раз, когда я, выполняя обещание, навестил его, я жил за городом, в Фонтенбло, а так как вечерние поезда отходили в неудобное время, он предложил мне остаться у него на ночь.

— У меня только одно свободное ложе, — сказал он, указывая на широкий диван в просторной комнате, служившей библиотекой и музеем, — надеюсь, вам здесь будет удобно.

Это была необычайная спальня, с высокими стенами из коричневых фолиантов, но для книжного червя вроде меня нет ничего милее такой мебели, как нет для моих ноздрей аромата приятнее едва уловимого тонкого запаха, исходящего от старинной книги. Я заверил его, что не мог бы и пожелать себе более восхитительной спальни и более подходящего антуража.

— Если эту обстановку и не назовешь удобной или обычной, то уж во всяком случае она дорогая, — проговорил он, окидывая взглядом полки. — На все то, что окружает вас здесь, я потратил, наверное, четверть миллиона. Книги, оружие, геммы¹, резные украшения, гобелены, статуэтки, чуть ли не каждая вещь тут имеет свою историю, и, как правило, достаточно интересную, чтобы ее рассказать.

Мы разговаривали, сидя у горящего камина: он — по одну сторону, я — по другую. Справа от него стоял стол для чтения в кружке яркого золотистого света от висевшей над ним сильной лампы. На столе лежал наполовину развернутый палимпсест², возле которого

¹ Ювелирный камень, овальной или округлой формы, с вырезанными изображениями.

² Древний пергамент; из-за дороговизны писчего материала мог несколько раз использоваться по назначению — первоначальный текст стирался и поверх него писался новый.

валялось много причудливых антикварных вещей. Среди них была большая воронка, какими пользуются для заполнения винных бочек. Судя по ее виду, она была сделана из черного дерева и окаймлена ободками из потускневшей меди.

— Вот любопытная вещь, — заметил я. — Какова ее история?

— А! — воскликнул он. — У меня было основание задать себе этот же вопрос. Я бы много отдал, чтобы знать точный ответ. Возьмите-ка ее в руки и осмотрите как следует.

Повертев ее в руках, я обнаружил, что на самом деле она вовсе не из дерева, как мне показалось, а из кожи, только ссохшейся и затвердевшей от времени. Это была большая воронка, вмещавшая, вероятно, целую квартиру. Медный ободок окаймлял ее широкий конец, но горлышко тоже имело металлический наконечник.

— Ну, что вы о ней скажете? — спросил д'Акр.

— По-моему, эта штука принадлежала какому-нибудь средневековому виноторговцу или солодовнику, — предположил я. — В Англии я видел высокие пивные кружки из просмоленной кожи, такие же твердые и черные, как эта воронка. Ими пользовались в семнадцатом веке.

— Пожалуй, она относится примерно к тому же времени, — сказал д'Акр, — и ею, несомненно, пользовались для вливания жидкости в сосуд. Однако, если мои подозрения верны, пользовался ею престранный виноторговец и заполнял он престранный сосуд. Вы ничего не замечаете необычного у горлышка воронки?

Поднеся ее к свету, я обратил внимание на то, что дюймах в пяти над медным наконечником узкое горлышко кожаной воронки как бы исцарапано и зазуб-

рено, словно кто-то кромсал его тупым ножом. Только в этом месте гладкая черная поверхность имела шероховатый, неровный вид.

— Кто-то пытался отрезать горлышко.

— Разве это похоже на надрез?

— Кожа порвана и измочалена. Нужна была немалая сила, чтобы оставить следы на таком твердом материале, каким бы инструментом при этом ни пользовались. Но что вы-то об этом думаете? Я же вижу, что вы знаете больше, чем говорите.

Д'Акр улыбался, и его глазки знающе поблескивали.

— Входит ли в круг ваших ученых занятий психология сновидений? — спросил он.

— Я даже не подозревал о существовании такой психологии.

— Друг мой, вон та полка над шкафом с геммами сплошь заполнена томами, и томами, написанными исключительно на эту тему, начиная от сочинений Альберта Великого и далее. Это же целая наука.

— Наука шарлатанов.

— Шарлатан всегда первопроходец. Из астролога вышел астроном, из алхимика — химик, из гипнотизера — психолог-экспериментатор. Вчерашний знахарь — это завтрашний профессор. Даже такая тонкая и неуловимая субстанция, как сны, со временем будет систематизирована и упорядочена. И когда это время придет, изыскания наших друзей там, на полке, превратятся из забавы мистики в основы науки.

— Предположим, что так оно и будет, но какое отношение к науке о сновидениях имеет большая черная воронка с медным ободком?

— Сейчас скажу. Как вам известно, у меня есть агент, который постоянно охотится за редкими и ан-

тикварными вещами для моей коллекции. Несколько дней назад он прослышал, что антиквар, торгующий на одной из набережных, приобрел кое-какой старый хлам, найденный в чулане дома старинной постройки на задворках улицы Матюрен в Латинском квартале. Столовая в этом старинном доме украшена гербом в виде щита с шевронами и красными полосами на серебряном поле. Как выяснилось, это был герб Никола де Ларейни — вельможи, который занимал высокую государственную должность в правление короля Людовика XIV. Другие предметы, обнаруженные в чулане, относятся, как было с несомненностью установлено, к раннему периоду правления этого короля. Отсюда вывод: все эти вещи принадлежали упомянутому Никола де Ларейни, в обязанности которого, насколько я понимаю, входило обеспечивать соблюдение драконовских законов той эпохи и следить за их исполнением.

— И что из этого следует?

— Возьмите воронку в руки еще раз и внимательно рассмотрите верхний медный ободок. Не различаете ли вы на нем какой-нибудь надписи?

На медной поверхности и впрямь виднелись какие-то черточки, почти стертые временем. Общее впечатление было такое, что это несколько букв, из которых последняя несколько напоминала большую букву «Б».

— Вам не кажется, что это «Б»?

— Да.

— Мне тоже. Более того, я нисколько в этом не сомневаюсь.

— Но ведь у вельможи, о котором вы рассказывали, стоял бы другой инициал — «Л».

— Вот именно! В этом-то вся прелесть. Он был владельцем этой занятной вещицы, но притом поместил ее чужими инициалами. Почему?

— Понятия не имею. А вы?

— Может быть, догадываюсь. Вы не замечаете, подальше на ободке как будто что-то изображено?

— Похоже, корона.

— Корона, вне всякого сомнения. Однако если приглядитесь при хорошем освещении, то увидите, что это не совсем обычная корона. Это геральдическая корона — эмблема титула, а так как составляют ее четыре жемчужины, чередующиеся с земляничными листьями, это, безусловно, эмблема маркиза. Значит, человек, чьи инициалы заканчиваются на букву «Б», имел право носить такую корону.

— Так что же, выходит, эта обычная кожаная воронка принадлежала маркизу?

Д'Акр загадочно улыбнулся.

— Или кому-то из членов семьи маркиза, — сказал он. — Хоть это мы с достаточной определенностью вывели из надписи на ободке.

— Но какая же тут связь со снами?

Не знаю уж, то ли потому, что я уловил что-то такое в выражении лица д'Акра, то ли потому, что мне что-то передалось через его манеру речи, только, глядя на этот старый, покоробившийся кусок кожи, я вдруг почувствовал отвращение и безотчетный ужас.

— Из снов я не раз получал важную информацию, — заговорил мой собеседник наставительным тоном, так как питал слабость к поучениям. — Теперь, когда у меня возникают сомнения насчет каких-нибудь существенных моментов атрибуции, я, ложась спать, непременно кладу интересующий меня предмет

рядом с собой в надежде что-то узнать о нем во сне. Мне этот процесс не кажется таким уж загадочным, хотя он и не получил еще благословения ортодоксальной науки. Согласно моей теории, любой предмет, оказавшийся тесно связанным с каким-нибудь крайним пароксизмом человеческого чувства, будь то боль или радость, запечатлевает и сохраняет определенную атмосферу или ассоциацию, которую он способен передать впечатлительному уму. Под впечатлительным умом я разумею не ненормально восприимчивый, а просто тренированный, образованный ум, как у нас с вами.

— Вы хотите сказать, что, если бы я, например, лег спать, положив рядом с собой вон ту старую шпагу, что висит на стене, мне могла бы присниться какая-нибудь кровавая переделка, в которой эта шпага была пущена в ход?

— Превосходный пример, потому что, сказать по правде, я уже проделал подобный опыт с этой шпагой и увидел во сне, как умер ее владелец, погибший в яростной схватке, которую я не смог опознать как какую-то известную в истории битву, но которая произошла во времена Фронды¹. Некоторые народные обычаи, если задуматься, свидетельствуют о том, что этот факт уже признавался нашими предками, хотя мы, мнящие себя мудрецами, отнесли его к суевериям.

— Какие, например?

— Ну, скажем, обычай класть под подушку свадебный пирог, чтобы спящему приснились приятные сны. Этот и некоторые другие примеры вы найдете

¹ Обозначение ряда антиправительственных смут, имевших место во Франции в 1648–1653 гг. и фактически представлявших собой гражданскую войну.

в брошюрке, которую я сам пишу сейчас на эту тему. Но ближе к делу. Однажды я положил перед сном рядом с собой эту воронку, и мне приснилось нечто такое, что, безусловно, пролило весьма любопытный свет на ее происхождение и способ применения.

— И что же вам приснилось?

— Мне приснилось... — Он вдруг замолчал, и на его дородном лице появилось выражение живейшего интереса. — Честное слово, это отличная мысль! — воскликнул он. — Мы с вами проведем чрезвычайно интересный психологический опыт. Вы наверняка легко поддаетесь психическому воздействию: ваши нервы должны чутко реагировать на всякое внешнее впечатление.

— Я никогда не проверял свои способности в этой области.

— Тогда мы проверим их этой же ночью. Могу я попросить вас об одном величайшем одолжении? Когда вы ляжете спать на этом диване, положите возле вашей подушки эту старую воронку, ладно?

Его просьба показалась мне нелепой, но моему многостороннему характеру тоже не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому. Я, конечно, не верил в теорию д'Акра и не думал, что эксперимент может удалиться, но меня увлекла сама идея участия в подобной затее. Д'Акр с самым серьезным видом придвинул к изголовью моего дивана столик и положил на него воронку. Затем, перебросившись со мной еще несколькими фразами, он пожелал мне спокойной ночи и вышел.

Некоторое время, перед тем как лечь, я курил, сидя у догорающего камина, снова и снова возвращаясь мыслями к этому любопытному эксперименту и страш-

ным снам, которые, может быть, мне приснятся. Впечатляющая уверенность, с какой говорил д'Акр, необычность всей окружающей обстановки, сама эта огромная комната со странными, сплошь и рядом зловещными предметами, развешанными по стенам, — все это, несмотря на мой скептицизм, создало у меня в душе серьезный настрой. Наконец я разделся и, потушив лампу, лег, но еще долго ворочался с боку на бок, пока не заснул. Постараюсь со всей точностью, на которую способен, описать сцену, привидевшуюся мне во сне. Она встает сейчас у меня в памяти более отчетливо, чем что бы то ни было, виденное мной наяву.

Дело происходило в комнате, похожей на склеп или подвал. От ее грубой сводчатой архитектуры, с крутым куполом потолка, веяло мощью. Это помещение явно было частью какого-то большого здания.

Трое мужчин в черном одеянии и черных бархатных головных уборах странной формы, расширяющихся кверху, сидели рядом на помосте, застеленном красным ковром. Лица их были чрезвычайно серьезны и скорбны. Слева стояли двое мужчин в длинных мантиях и с папками в руках; папки, судя по их виду, были набиты бумагами. Справа, лицом ко мне, стояла женщина маленького роста, светловолосая, с необыкновенными бледно-голубыми глазами ребенка. Была она не первой молодости, но и женщиной средних лет я бы ее не назвал. Ее фигура говорила о некоторой склонности к полноте, а осанка — о горделивой уверенности в себе. Лицо у нее было бледно, но невозмутимо спокойно. Странное впечатление производило это лицо: в его миловидных чертах проглядывало что-то хищное, кошачье, а в линиях маленького сильного рта с узкими губами и округлого подбородка уга-

дывалась жестокость. Одета она была в какое-то подобие свободного белого платья. Сбоку от нее стоял священник, который что-то с жаром шептал ей на ухо, снова и снова поднося к ее глазам распятие. Она же отворачивала голову и продолжала пристально смотреть мимо распятия на тех троих мужчин в черном, которые, как я понял, были судьями.

Вот три судьи встали и что-то объявили; слов я не разобрал, хотя видел, что говорил тот из них, который был в центре. Затем они величественно удалились, а следом за ними — двое мужчин с бумагами. И в тот же миг в комнату поспешно вошли люди грубого обличья, в коротких мужских куртках из плотной материи, и сначала убрали красный ковер, а потом, разобрав помост, вынесли доски, так что освободилось все пространство комнаты. Теперь, когда помост, загораживавший глубину помещения, исчез, моему взору открылись весьма странные предметы обстановки. Один напоминал кровать с деревянными цилиндрами с обоих концов и рукояткой ворота для регулирования ее длины. Другой походил на деревянного гимнастического коня. Было там еще несколько диковинных предметов, а сверху свисали, раскачиваясь, тонкие веревки, перекинутае через блоки. Все вместе имело некоторое сходство с современным гимнастическим залом.

После того как из комнаты убрали все лишнее, появилось новое действующее лицо. Это был высокий сухопарый мужчина, одетый в черное, с худым и суровым лицом. При виде этого человека я невольно содрогнулся. Одежда его, сплошь покрытая грязными пятнами, жирно лоснилась. Он держал себя с медлительным и выразительным достоинством, как если бы

с его приходом все здесь поступило в полное его распоряжение. Чувствовалось, что, несмотря на его грубую внешность и грязную одежду, теперь он хозяин в этой комнате, теперь он займется здесь своим делом, теперь он станет командовать. На согнутой левой руке у него висели связки тонких веревок. Женщина смерила его с ног до головы испытующим взглядом, но выражение ее лица не изменилось. Оно оставалось уверенным и даже вызывающим. Зато священник потерял всякое самообладание. Лицо его покрылось мертвенной бледностью, на высоком покатом лбу выступили капли пота. Воздев руки в молитве, он непрестанно наклонялся к уху женщины, бормоча какие-то отчаянные слова.

Человек в черном тем временем подошел и, сняв со сгиба локтя одну из веревок, связал женщине руки. Она сама протянула их и смиренно держала перед собой, пока он это делал. Затем, грубо взяв женщину за руку, он подвел ее к деревянному коню, который был в высоту ей по грудь. Ее подняли и положили на коня лицом к потолку, а священник, трясшийся от ужаса, бросился вон из комнаты. Губы женщины быстро зашевелились, и, хотя мне не было слышно ни слова, я понял, что она молится. Ноги ее свешивались с обеих сторон коня, и я увидел, что грубые мужланы-прислужники привязывают к ее лодыжкам веревки, прикрепляя их другим концом к железным кольцам, вделанным в каменный пол.

При виде этих зловещих приготовлений сердце у меня упало, и все же, загипнотизированный ужасом, я не мог оторвать глаз от странного зрелища. В комнату вошел человек с двумя полными ведрами. Другой внес следом за ним еще одно ведро. Ведра поставили

возле деревянного коня. Второй из вошедших держал в свободной руке деревянный черпак с прямой ручкой. Черпак он отдал человеку в черном. В ту же минуту к лежащей приблизился прислужник с темным предметом в руке, который даже во сне показался мне смутно знакомым. Это была кожаная воронка. С огромной силой он просунул ее... но я больше не мог вынести этого кошмара! Волосы встали у меня дыбом. Я бился и метался, выбираясь из пут сна, пока с громким криком не вырвался к собственной своей жизни.

Очнувшись, я увидел, что лежу, дрожа от ужаса, в просторной библиотеке, через окно которой льется серебристый лунный свет, отбрасывая на противоположную стену причудливый переплетающийся узор из черных теней. О, каким блаженным облегчением было сознавать, что я вернулся в девятнадцатый век — вернулся из этого средневекового склепа в мир, где в груди у людей бьются человеческие сердца. Я сел на диване, ощущая дрожь во всех членах, и сознание мое раздиралось между счастливым чувством избавления и недавним ужасом. Страшно подумать, что подобные вещи когда-то совершались, что они могли совершаться, и рука Господня не разила злодеев на месте! Что это было: игра воображения или же реальный отзвук чего-то такого, что произошло в черные, жестокие времена мировой истории? Дрожащими руками я обхватил виски, в которых стучала кровь. И вдруг сердце остановилось у меня в груди. Объятый ужасом, я даже не мог вскрикнуть. Что-то приближалось ко мне из темноты комнаты.

Когда человек, не опомнившийся от пережитого ужаса, переживает его снова, это может сломить его